

Ли Мэн перерыл все вещи в узле, затем осторожно выудил у Чжао Лои кошель. Убедившись, что серебро цело, он облегчённо вздохнул. Уже собираясь уходить, юноша спохватился: достал тяжёлое одеяло, укутал раненого с головой, плотно задёрнул все занавески на окнах и лишь после этого отправился на поиски лекаря.

Выйдя на улицу, Ли Мэн принялся расспрашивать прохожих. Свернув всего пару раз, он наткнулся на лавку лекаря. Там он потребовал лучшее снадобье от колотых и резаных ран, а поразмыслив, стиснул зубы и выложил целых пятьдесят лянов за корень столетнего женьшеня.

Опасаясь погони от людей Анбалы, Ли Мэн не рискнул тащить Чжао Лои к лекарю. Он побоялся даже разводить огонь в трактирном очаге, чтобы сварить отвар, поэтому ограничился лишь тем, что наспех обработал и перевязал раны пострадавшего.

Ли Мэн не знал, правду ли говорил Чжао Лои о своей необычайной живучести, но теперь охотно в это верил. Пока они добирались сюда, оба хранили молчание, и Ли Мэн всё пытался вспомнить, где обронил свой расшитый кисет. По всему выходило, что он потерял его у Синь-нян, когда переодевался в сухое платье. Та была близко знакома с Чжао Лои, так что забрать пропажу можно и позже. Но вот беда — снадобье, полученное от Сяо Чанчу, тоже бесследно исчезло. Где именно он его выронил, Ли Мэн понятия не имел. Он в растерянности смотрел на Чжао Лои, не зная, за что хвататься.

Он ведь думал, что Чжао Лои вообще не придёт на выручку или явится лишь через несколько дней, когда раны хоть немного затянутся. Мимолётное чувство безопасности, охватившее его после побега, мгновенно испарилось при взгляде на этого смертельно бледного, едва дышащего мужчину.

Целые сутки Ли Мэн не смыкал глаз, преданно дежуря у постели больного. Стоило раненому лишь чуть тяжелее вздохнуть, как юноша тут же кидался к нему. Несколько раз он засыпал, подперев кулаком подбородок, но стоило ему вздрогнуть и очнуться, как он холодел от страха, не решаясь проверить, дышит ли тот.

Днём было проще: еду приносили вовремя, а когда Ли Мэн попросил служанку сварить жидкой каши с мясным фаршем, та без лишних вопросов исполнила его просьбу.

Но когда миновала вторая стража, Чжао Лои совсем затих. Он больше не метался, судороги прекратились, и даже кашель больше не нарушал гнетущую тишину комнаты.

Очередной раз Ли Мэн очнулся от сна в предутренней мгле. Масляная лампа едва теплилась, готовая вот-вот угаснуть.

Он поправил фитиль щипцами, разгоняя мрак, и пронзительным взглядом скользнул по кровати. Чжао Лои лежал под тяжёлым одеялом неподвижно, словно труп, его лицо отливало мертвенной синевой.

У Ли Мэна сердце ушло в пятки. Схватив лампу, он поднёс огонь ближе к лицу Чжао Лои и дрожащими пальцами коснулся его шеи.

Спустя мгновение он поспешно отпрянул, едва не выронив светильник, и водрузил дрожащее пламя на стол. Слабый толчок пульса на сонной артерии всё ещё отдавался в его кончиках пальцев. Ли Мэн приложил ладонь ко лбу Чжао Лои, затем проверил шею: жар спал. Кожа оставалась горячей, но уже не пылала, как раскалённый уголь.

Ли Мэн приподнял раненого и принялся обтирать его влажным полотенцем.

За это время Чжао Лои лишь однажды приоткрыл глаза, прохрипел просьбу дать воды и, сделав несколько глотков, снова погрузился в глубокий сон.

Измученный ожиданием рассвета, Ли Мэн уснул, так и не дождавшись первых лучей. Когда он вновь открыл глаза, комнату уже заливал яркий дневной свет. Сквозь деревянную решётку окна тянулись пыльные лучи, в которых лениво кружились пылинки.

Ли Мэн скинул одеяло, но голова раскалывалась так, что он не смог сразу подняться.

В комнате было пусто. Неужели Чжао Лои ушёл? Сам, в таком состоянии? Снова отправился по делам?..

«Он что, вообще жить не хочет?»

В памяти всплыли слова Синь-нян, сказанные в борделе:

— Да он из ранений круглый год не вылезает. Дрётся так, будто жизни не жалко. В прежние годы ещё хуже было — все думали, поскорее на тот свет торопится, к матери.

Ли Мэна вдруг осенило: возможно, Чжао Лои вовсе не должен был пострадать так сильно. От этой мысли его захлестнула такая волна злости и досады, что у него едва пар из ушей не пошёл.

Дверь негромко скрипнула.

— Проснулся? — спросил вошедший Чжао Лои. Он принёс поднос с завтраком, жестом пригласил Ли Мэна к столу и протянул ему палочки.

Юноша украдкой взглянул на его лицо: мертвенная бледность сошла, он выглядел куда лучше. На душе у Ли Мэна мгновенно отлегло.

— Куда мы теперь? — спросил Ли Мэн, шумно втягивая острую лапшу. От специй на лбу у него выступила испарина.

Чжао Лои прищурился. Его правая рука лежала на столе, а он медленно потер большим пальцем об указательный. Только сейчас Ли Мэн заметил, что учитель держит палочки левой рукой.

— Твой второй шишу уже выехал из Цияна. Мы разделимся. Но как именно добираться нам — я ещё не решил.

Ли Мэн кивнул:

— И каков наш путь?

Чжао Лои отложил палочки.

Юноша поднял голову и наткнулся на холодный, испытующий взгляд. В глазах Чжао Лои сквозило явное недоверие. То ли от собственной скрытности, то ли поддавшись этому давлению, Ли Мэн мгновенно растерял аппетит и тоже отложил палочки.

— У меня есть к тебе пара вопросов, — бесстрастно произнёс Чжао Лои, скользнув по ученику ледяным взглядом. — Отвечай честно. От твоих ответов зависит, как мы поступим дальше.

С трудом сглотнув застрявший в горле комок, Ли Мэн выдавил:

— Спрашивайте, учитель.

В этот миг его охватило дурное предчувствие. Такое уже случалось однажды — в тот день, когда он пытался разузнать о Сяо Чанчу и выяснил, что она покинула Юньинь. Вернувшись на постоянный двор, он уснул и сквозь сон почувствовал, как к его горлу прижали что-то леденящее душу. Очнувшись, он всё ещё пребывал в полузабытьи, но нутром почуял опасность и от греха подальше крепко обнял Чжао Лои, притворившись, будто до смерти напуган кошмаром.

Сейчас в комнате воцарилась точно такая же удушливая атмосфера. Ли Мэн мгновенно понял: решается вопрос его жизни и смерти. Он судорожно сжал пальцы, уставившись в стол, и принялся рассеянно ковырять ногтем деревянную столешницу.

Чжао Лои выждал паузу, он едва заметно нахмурился.

— Помнишь день в Юньине, когда твой шишу отправил тебя за сладостями? Вернувшись, ты спросил меня, правда ли, что Сяо Чанчу больше не желает быть убийцей. Не забыл ещё?

Ли Мэн на мгновение задумался и кивнул.

— До того момента ты звал её исключительно моей младшей сестрой-наставницей. Я её имени при тебе не упоминал, да и сама она тебе не представлялась. Откуда же ты его узнал?

Сердце Ли Мэна пропустило удар. Поняв, что учитель подозревает его уже очень давно, он, как ни странно, перестал паниковать.

— На следующий день я отослал тебя по поручению, — продолжал Чжао Лои, — а ты вместо этого направился напрямик к усадьбе, чтобы выведать, где сейчас Сяо Чанчу.

— Вы следили за мной? — Ли Мэн нахмурился.

— Можно и так сказать. Всё равно заняться было нечем.

Юноша вспомнил тот день: вернувшись с рынка, он сразу лёг спать. А проснувшись, ощутил холод у горла. Чжао Лои тогда сидел у его постели, опустив руку ему под воротник. Он действительно собирался его убить.

Ли Мэн окончательно успокоился, его взгляд обрёл холодную ясность.

— И что дальше?

— А дальше случилось то, о чём я тебе уже рассказывал: весть о том, что Хэ Жуйтина убили мы с Хо Ляньюнем, каким-то образом просочилась наружу. Правила Башни тебе известны: личность заказчика не разглашается, имена исполнителей держатся в строжайшей тайне от всех, кроме «соболя», передающего заказ, и «ястреба», отвечающего за связь. Но это поручение пришло не из Жуйчжоу — оно шло следом за предыдущим делом. Хо Ляньюнь лично доставил мне письмо с печатью Мастера башни. А значит, даже наши «соболь» и «ястреб» не знали, кто взял заказ.

— И вы решили, что предал я, — безжизненным голосом констатировал Ли Мэн.

Чжао Лои равнодушно кивнул.

— Хо Ляньюнь не раз предупреждал меня, что твоё появление слишком подозрительно. Твой отец был чиновником императорского двора, к тому же спасти тебя меня просил сам Чэнь Шо.

Ли Мэн впервые слышал о том, что обязан своей жизнью генералу Чэню. Если подумать, в ту кошмарную ночь, когда погибла его семья, из кабинета отца выходил вооружённый воин в доспехах — скорее всего, это был подчинённый Чэнь Шо. Генерал Чэнь происходит из знатного военного рода и верно служит трону... Но зачем ему понадобилось спасти безродного

мальчишку?

— Чэнь Шо — непосредственный командир Сяо Чанчу, — добавил Чжао Лои, пристально наблюдая за реакцией ученика.

Ли Мэн удивлённо захлопал глазами, судорожно соображая. Изумление на его лице было неподдельным — очевидно, он действительно ничего об этом не знал.

— По пути я не раз предлагал пристроить тебя в приличную, богатую семью, чтобы ты жил в достатке и не знал забот. Ты со мной уже два года и прекрасно понимаешь, что такое Башня Десяти Направлений. Тебе всего пятнадцать, впереди целая жизнь. Зачем тебе цепляться за меня? В тот день, когда ты ходил к Синь-нян, тебя опоили «Каплей весны», от которого спасает только ледяная вода. И уходя, ты кое-что обронил.

С этими словами Чжао Лои выложил на стол две вещи.

Первая — потрёпанный временем шёлковый кисет с вышивкой в виде карпов, резвящихся в лотосах.

Ли Мэн невольно обрадовался, но не успел и слова вымолвить, как Чжао Лои продолжил:

— Когда дикари из Наньмэй утащили тебя, я вернулся в управу и забрал твои вещи.

У юноши внутри всё перевернулось от нехорошего предчувствия. Чжао Лои явно клонил к чему-то конкретному.

— Помимо меча Безрассудства и прочего дорожного хлама, в твоём узле нашлось вот это.

Небольшая деревянная шкатулка с глухим стуком опустилась на стол и скользнула к Ли Мэну. Он потянулся было к кисету, но наткнулся на тяжёлый, потемневший взгляд Чжао Лои.

Давящая аура, исходившая от мужчины, сковала Ли Мэна по рукам и ногам, заставив его мелко задрожать.

— Что скажешь в своё оправдание? — спросил Чжао Лои.

Ли Мэн долго молчал, а затем тихо спросил в ответ:

— Вы убьёте меня?

— Зависит от того, что я услышу, — Чжао Лои прищурился. Лицо его было спокойным, словно

вчерашние раны, едва не отправившие его на тот свет, больше его не тревожили.

— В кисете безделушка, которую мне дала девчушка из управы Цияна — обещала разыскать меня, когда вырастет. Ещё там кольцо моей покойной матери. А в шкатулке — порошок, лишаящий внутренней энергии. Его дала мне Сяо Чанчу и приказала улучшить момент, чтобы подсыпать вам в питьё, — Ли Мэн прикусил губу. — Но я даже сделать ничего не успел! Вы же из ранений не вылезаете, я только и делаю, что бинты вам меняю. Нельзя ли как-то поаккуратнее...

Чжао Лои одарил его коротким взглядом, и Ли Мэн почувствовал, как удушливая аура вокруг них слегка рассеялась. Тем не менее, испытывать терпение учителя глупыми пререканиями он не стал.

— В тот день в Юньине меня выследила и схватила Сяо Чанчу.

Дальше Ли Мэн рассказал всё без утайки: как в его тело подсадили гу, как с ним держали связь, какие давали приказы и какую роль во всём этом играл безногий старик Сунь.

Поскольку он не солгал ни в едином слове, его голос звучал твёрдо и искренне. Страх перед Чжао Лои постепенно отпускал его.

— Пожалуйста, не убивайте меня, — взмолился в конце Ли Мэн. — Мне пока нельзя умирать.

Чжао Лои медленно поднялся. Его высокая фигура нависла над Ли Мэном, заставляя того судорожно втягивать воздух.

— Если бы я сегодня не прижал тебя к стене, ты бы выполнил приказ Сяо Чанчу, верно?

Ли Мэн мотнул головой. Напряжение на лице Чжао Лои немного спало, но ровно до тех пор, пока юноша не добавил:

— Порошок-то я потерял, так что при всём желании не смог бы.

—... — Чжао Лои на миг лишился дара речи, после чего зашёл с другой стороны: — То есть, если кто-то пригрозит твоей жалкой жизни, ты готов наплевать на любые принципы и исполнить любую гнусность по чужой указке?

Учитель не поднял на него руку, но Ли Мэн почувствовал себя так, словно получил хлёсткую пощёчину. Щёки его вспыхнули от стыда.

Видя, что юноша виновато молчит, Чжао Лои тяжело вздохнул. Вспоминая прошедшие два года, он поймал себя на мысли, что толком ничего и не дал Ли Мэну, хотя и назвал его своим

учеником. В душе шевельнулось запоздалое раскаяние. Мальчишка совсем не знал законов Поднебесной — когда его схватили и отравили гу, он, должно быть, обезумел от ужаса, но вынужден был молчать и скрывать правду. К тому же Чжао Лои сам расставил на него сети. Если бы в тот день в Юньине он поддался первому порыву, этот глупый ребёнок уже лежал бы в сырой земле.

— Подойди, — позвал Чжао Лои, усаживаясь на край постели и похлопав ладонью рядом с собой.

Ли Мэн нехотя поднялся, бросив мимолётный взгляд на дверь.

Чжао Лои даже не взглянул в ту сторону. Бежать было глупо — если его снова перехватят наньмэйцы, пиши пропало. Да и выскользнуть незамеченным из этого весёлого заведения Ли Мэн вряд ли бы сумел.

— Руку покажи.

Ли Мэн послушно протянул руку.

— Рукав засучи.

На бледном, тонком предплечье проступила багровая нить длиной в палец, тянущаяся от локтевого сгиба. Не приглядишься — сочтёшь за обычную царапину или шрам. Стоило Чжао Лои коснуться этого следа кончиками пальцев, как Ли Мэн судорожно стиснул зубы, а на лбу у него выступил холодный пот.

— Больно?

Юноша мотнул головой:

— Нет, не больно... Просто всё тело выворачивает наизнанку.

— Тот калека, которого ты встретил ночью... Он ведь безногий и зовётся Сунем?

— Да, — понуро отозвался Ли Мэн.

Чжао Лои аккуратно расправил его рукав — на удивление бережно. Юноша шмыгнул носом и с надеждой заглянул ему в глаза:

— Значит, вы меня не убьёте?

Чжао Лои одарил его хмурым взглядом. Он по-прежнему выглядел сурово, а лицо не выражало и тени дружелюбия.

— Если тебя обидели, почему сразу не пришёл ко мне? Забыл, кто твой учитель? — с укором спросил Чжао Лои.

— Я вас боялся, — чистосердечно признался Ли Мэн.

Сердце Чжао Лои болезненно сжалось. Эти простые слова заставили его смягчиться. Он забрал Ли Мэна, когда тому было всего тринадцать. У мальчишки не осталось ни единой родной души на всём белом свете. Пусть они редко бывали вместе, но все эти годы парень преданно заботился о нём — стирал, готовил, подавал чай. Боялся до дрожи, но упорно шёл следом, не пытаясь сбежать. Теперь Чжао Лои понимал почему: сирота отчаянно жаждал перенять его мастерство, чтобы когда-нибудь отомстить за гибель своей семьи. Сейчас этот понурый, съёжившийся юнец казался ему брошенным, беззащитным щенком.

Почесав затылок, Чжао Лои проворчал:

— Ладно, забудь. Мне всё равно нужно наведаться в Наньчжоу. Раз так, сначала отправимся туда.

— В Наньчжоу? — Ли Мэн слышал об этом пограничном южном городе. — Но ведь Фэнъян лежит к северу. Нам придётся сделать крюк.

— Хо Ляньюнь подождёт, — невозмутимо бросил Чжао Лои. Он расправил воротник на одежде Ли Мэна, стряхнул невидимую пылинку с плеча и удовлетворённо кивнул. — Запомни: если кто-то посмеет тебя задеть — говори мне. В Поднебесной мало кто рискнёт перейти мне дорогу. Ну а если столкнёшься с кем-то слишком сильным, назови моё имя. Глядишь, и поостерегутся.

Ли Мэн закивал. Напряжение между ними окончательно растаяло, и юноша, сообразив, что учитель сменил гнев на милость, так обрадовался, что с разбегу запрыгнул Чжао Лои на спину.

—... — Чжао Лои охнуть не успел, как ему пришлось подхватить наглеца обеими руками, чтобы тот не рухнул на пол. — А ну не балуй! — сердито прикрикнул он.

— Значит, вы теперь мой настоящий учитель? — пользуясь тем, что у Чжао Лои заняты руки, Ли Мэн бесцеремонно схватил его за уши и требовательно закричал прямо в лицо.

— Вернёмся в Жуйчжоу — там и решим.

Ли Мэн довольно ухмыльнулся. Пропустив уклончивый ответ мимо ушей, он восторженно завопил:

— И вы можете мне отомстить, да?!

Чжао Лои, у которого от этого визга уже разболелась голова, лишь устало вздохнул:

— Посмотрим на твоё поведение.

— Ладно, я сам со всем разберусь! Вы только научите меня драться. Когда я стану таким же сильным, как вы, то сам покараю убийц! — Ли Мэн уже вовсю грезил о будущих триумфах, безмятежно теребя учителя за уши. Убедившись, что его мочки мягкие, а сами раковины холодные на ощупь, он мял их до тех пор, пока те не покраснели и не потеплели, и лишь тогда спрыгнул на пол и уселся доедать остывающий завтрак.

Ближе к вечеру Чжао Лои ушёл в главный зал переговорить о чём-то с хозяйкой заведения, оставив Ли Мэна изнывать от безделья во дворе.

Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая облака в багровые тона, словно небесный владыка изволил испить крепкого вина и залить небо густым румянцем.

— Пора, — раздался тихий голос вернувшегося Чжао Лои.

Ли Мэн послушно поспешил за ним. По пути мужчина взвесил на ладони потяжелевший кошель, спрятал его за пазуху и мимоходом взъерошил юноше волосы. Конюх уже вывел коня. Чжао Лои бережно усадил ученика в седло, бросил быстрый, оценивающий взгляд на темнеющие окрестности и легко вскочил сзади. Обхватив Ли Мэна руками, он направил скакуна прочь из города через глухие задворки, уводя их в ночную даль.

Оказавшись за городскими воротами, Ли Мэн расслабился и уютно откинулся назад, прижавшись спиной к широкой груди учителя. Лишь мгновение спустя он спохватился, вспомнив, что тот ранен в живот, и поспешно выпрямился. Чжао Лои, чьё тело до этого мгновения оставалось напряжённым как натянутая струна, тоже тихонько перевёл дух.

<http://bllate.org/book/18266/1760608>